

С. Г. Тер-Минасова¹

РОЛЬ КЛАССИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современная эпоха, как известно, характеризуется двумя главными чертами: с одной стороны, небывалым, невообразимым научно-техническим прогрессом в области коммуникации и, с другой стороны, стремительно ускоряющимся процессом глобализации как важнейшим результатом этого научно-технического прорыва.

Не вдаваясь в подробности этого сложнейшего противоречивого процесса, я хотела бы остановиться лишь на одном следствии глобализации, еще раз показавшем парадоксальность человеческого сознания и поведения.

Парадокс же заключается в том, что перспектива глобального объединения человечества, взаимодействие и взаимозависимость всех людей и всех стран, живущих мирно и дружно в одной Глобальной деревне, вызвала парадоксальную реакцию, а именно: эта перспектива (угроза?) заставила все народы вспомнить о своих языках и культурах, о своих национальных традициях, вкусах, ценностях, что и привело к осознанию важности сохранения национальной идентичности.

Иными (краткими) словами, *повышенный интерес к проблеме национальной идентичности — это парадоксальная, но вполне человеческая реакция на глобализацию.*

Именно поэтому столь актуальны стали во всем мире вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники.

Сегодня мы попробуем рассмотреть роль национальных литератур в формировании и сохранении национальной идентичности.

Национальная идентичность, по определению Wikipedia с небольшой поправкой, — это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет свою принадлежность к определенной (в Wikidpedia — различной) национальной группе.

Понятие национальной идентичности близко соприкасается (в некоторых определениях практически совпадает) с понятием национального характера, определяемым как психологический склад нации (С. М. Арутю-

нян²), совокупность специфических психологических черт, свойственных той или иной социально-этнической общности (Н. Джандильдин³) и т. п.

Таким образом, национальная идентичность теснейшим образом связана и с национальным характером, и с более общим понятием национальной культуры, включающим результаты духовной и материальной деятельности людей, представляющих данную нацию.

Главным связующим звеном оказывается слово *национальный*, подчеркивающий то, что особенности психики, обусловившие восприятие мира, поведение и деятельность людей, — один из важнейших факторов формирования нации.

Интересно, что споры о самом существовании национальных характеров и идентичностей сейчас практически затихли, и причиной этого стал очевидный и неоспоримый взрыв ксенофобии и агрессии, определяемый как конфликт культур, вызванный геополитическими катаклизмами и ставший одним из главных препятствий на пути глобализации.

Какую же роль в этих мировых процессах, катаклизмах, этнических стычках и войнах, конфликтах культур играют классические национальные литературы? Именно этот вопрос — главный в названии секции наших замечательных (уже хотя бы потому, что они посвящены памяти замечательного человека) Чтений: *национальные литературы в историческом диалоге культур.*

Особое ударение следует сделать на слове *классические*. Если речь идет об *историческом* диалоге культур, то это предполагает рассмотрение *классической* национальной литературы, поскольку классика возможна только при условии испытания временем, причем значительным.

Действительно, произведение или автор могут быть названы классическими для данной национальной культуры, только если они останутся интересными, читаемыми и признаваемыми многими поколениями представителей данной нации, несмотря на изменения образа жизни, культуры, идеологий, мировоззрений, неизбежные в историческом процессе.

Следовательно, формирует нацию (ее идентичность, характер, культуру) в первую очередь именно классическая литература, особенно если речь идет об *историческом* диалоге культур.

Диалог культур в названии и секции, и Чтений, также требует небольшого комментария. Что же такое диалог культур? Название говорит само за себя. *Диалог культур предполагает взаимопонимание и взаимодействие представителей разных культур.* Это цель (мечта!), к которой стремится встревоженное ксенофобией и агрессивней человечество, а не просто политкорректный вариант конфликта культур.

² Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966. С. 23.

³ Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алмата, 1971. С. 122.

¹ Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Язык и межкультурная коммуникация», «Language, Linguistics and Life», «Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах», «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков», «Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации» и др. Президент Национального объединения прикладной лингвистики, президент Национального объединения преподавателей английского языка России. Председатель НМС по иностранным языкам при Минобрнауки РФ. Почетный профессор Бирмингемского университета, Великобритания. Почетный доктор словесности Университета штата Нью-Йорк, США. Почетный профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения).

Когда речь идет об участии национальных литератур в диалоге культур, предполагается не только признание национальных писателей мировым сообществом. В многонациональных государствах (а их сейчас большинство) взаимодействие и взаимовлияние литератур народов, населяющих одну страну, также являются диалогом культур, и выдвижение представителей этих народов на уровень всеобщего, вседержавного признания также делает их классиками данного единения народов.

Как же формируются национальная идентичность, национальный характер и национальная культура? Не будет преувеличением сказать, что главным орудием, инструментом, средством является национальный язык. Не единственным, но главным. Национальный язык не только отражает национальную культуру, но и хранит, и формирует ее. Иными словами (привычных метафор), он одновременно и зеркало, и хранитель, и орудие национальной культуры.

Литература полностью зиждется на ресурсах языка. В распоряжении писателя только один ресурс — СЛОВО. Письменным словом (не красками, не звуками) мастер литературы — художник слова! — творит целый мир, населяет его людьми, наделяет светом, цветом, природой, погодой, Жизнью, то есть выступает в роли Создателя мира, обусловленного его национальными принадлежностью, характером, идентичностью.

Однако слово используется и в других источниках информации о национальной идентичности.

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о нации являются так называемые международные анекдоты, то есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

Так, в русских международных анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальны, немногословны, прагматичны, сдержанны и т. п. Немцы дисциплинированы, помешаны на порядке. Легкомысленные французы думают только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Русские — бесшабашные рубахипарни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, но смекалистые и побеждающие другие народы. В русских международных анекдотах все народы ведут себя соответственно этим стереотипам.

Стереотипы международных анекдотов далеки от объективных оценок и вызывают не только сомнения, но и резкую критику так часто, что само слово приобрело негативную окраску.

Вот мнение на эту тему из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 января 1859 года: «Для народов существуют общие характеристики; французов называют ветренными, англичан — себялюбивыми, русских — терпеливыми и т. д.; но боже мой, сколько каждый из нас встречал глубокомысленных французов, самоотверженных англичан и крайне терпеливых русских...»

Герои национальных литератур поражают контрастом со стереотипными персонажами международных

анекдотов. Действительно, легкомысленные французы, думающие о вине и женщинах, на уровне своей классической литературы мирового масштаба представлены драматическими героями Стендаля, Бальзака, Гюго, Мериме, Мопассана, Золя, решающими сложные человеческие проблемы и и не имеющими ничего общего с «ветренными» героями-любовниками.

Наоборот, «себялюбивые», чопорные и сдержанные до абсурда англичане из анекдотов создали литературу, полную искрящегося юмора, иронии, сарказма: литературу Джонатана Свифта, Диккенса, Теккерея, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда, Шекспира, наконец, у которого на пять трагедий приходится 22 комедии. Ни в одной комедии юмор не ценится так высоко.

Замуштрованные порядком (Ordnung!) и самодисциплиной немцы из международных шуток дали миру глубочайшую и нежнейшую поэзию Гете, Гейне, Рильке.

Наконец, анекдотические хулиганы и алкоголики — русские — внесли в сокровищницу мировой литературы драгоценный вклад: произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского. Герои этих произведений, с их философскими исканиями и тонкими душевными переживаниями, — это интеллигенты среди персонажей мировой классической литературы (недаром само слово *интеллигенция* вошло в европейские языки из русского языка).

Так где же русский национальный характер? В анекдотах или в классической литературе? Кто типичный русский — мужик с ведром водки или Пьер Безухов?

Как известно, в период Второй мировой войны, перед тем как напасть на Россию, фашистская Германия усиленно собирала информацию о России и русских. И немаловажным источником информации оказалась русская художественная литература. Именно по ней германские лидеры составили суждение о русском национальном характере. Россию посчитали «колоссом на глиняных ногах»: толкни — и рассыплется страна, населенная рефлексирующими «мягкотелыми» интеллигентами — безуховыми, нехлюдовыми, мышкинскими, раскольниковыми, дядями ваянями, ивановыми и т. п.

Иван Солоневич пишет об этом с горечью: «Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста, Обломовы, Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки»¹.

Будучи критически настроен к русской классической литературе как к источнику информации, Солоневич и назвал ее «кривым зеркалом народной души». Он пишет: «Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего... Русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости были выдуманные. И когда страшные годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни налет литературного словоблудия, то изпод художественной бутафории Маниловых и Обломовых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москвичей в гарольдовом плаще, лишние лю-

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 166.

дей и босяков — откуда-то возникли совершенно не предусмотренные литературой люди железной воли»¹.

Не вдаваясь в полемику, хочу попытаться «реабилитировать» кругом виноватую русскую литературу: немцев-то она обманула. Да, в Брестской крепости действительно сидели не Маниловы и Безуховы. Но ведь кто знает, как повели бы себя Безуховы и Обломовы, окажись они в Брестской крепости? Может быть, и у них выявилось бы то самое «железо в русском народном характере», которое, по словам Солоневича, не отразила русская литература? Не отразила железа и обманула врагов кривым зеркалом.

Мысль у Солоневича, правда, другая: «Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства — ничего этого наша литература не заметила вовсе»². А если бы заметила и отразила, то и войны бы не было, — вот что имеет в виду Иван Солоневич.

Но вернемся к источникам сведений о национальной идентичности.

Не отбрасывая вслед за Солоневичем с негодованием всю художественную литературу, признаем, что она не кривое, но неполное зеркало. Полным оно быть и не может — «никто не обнимет необъятного», как сказал русский писатель А. К. Толстой устами Козьмы Прутков. Неполное и *субъективное*, потому что каждое художественное произведение классической литературы имеет конкретного автора с его субъективным, то есть ему лично присущим видением мира, в значительной мере обусловленным не только национальным самосознанием и национальной культурой, но и его собственной индивидуальной жизнью, творческим воображением, вполне конкретным, присущим лично ему талантом.

Итак, художественная литература несомненно представляет собой источник информации о национальном характере, одновременно отражая и формируя его.

Проблемы, связанные с этими функциями произведений национальной литературы, высвечиваются особенно ясно при их переводе на иностранные языки. Этот важнейший аспект в полной мере выявляет и признание, и участие в диалогах культур, и — особенно! — конфликты культур.

Яркий пример такого конфликта — непризнание или, вернее, недооценка А. С. Пушкина внешним нерусским миром.

Русский человек никогда не поймет, почему Толстой, Чехов, Достоевский, Тургенев более известны на Западе, чем Пушкин. Отдавая дань этим великим столпам русской и мировой литературы, каждый русский знает, что патриарх, отец русского литературного языка и русской литературы, ее солнце — это Пушкин. Отец — один и солнце — одно.

Поэтому известная, подробно описанная непопулярность Пушкина во внешнем мире и в частности в Англии настолько оскорбительна и кощунственна для русского человека, что приводит факты, свидетельствующие о ней, неприятно и совершенно не хочется.

Это огульное непонимание Пушкина, иногда искреннее, иногда нарочитое, политически обусловленное, обычно объясняется и российскими специалистами, и западными «защитниками» великого поэта одной причиной — *непереводимостью поэзии* вообще и пушкинской в особенности.

На эту тему вполне категорично высказался Владимир Набоков: «Моя теория перевода в действительности очень проста. Единственное, что имеет значение, — это идеальная точность перевода... В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина *невозможен* (курсив мой. — С. Т.), ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную.

Итак, подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственно возможным инструментом»³.

Известный французский философ Жак Деррида считает, что сопротивление переводу — черта любого настоящего поэтического произведения: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, — разве это стихотворение?»⁴

Однако это отнюдь не означает, что нужно оставить попытки перевода стихов на другие языки. Наоборот, чем сильнее сопротивление, тем лучше стихотворение и тем более оснований попробовать его донести до иноязычных читателей.

Разумеется, сложности и трудности перевода произведений Пушкина на иностранные языки — одно из главных препятствий для того, чтобы его признали не просто «поверив русским»⁵, но как интернациональную мировую величину. «Одно из препятствий», но далеко не единственное и даже не самое главное. Самое же главное — это его знаменитая *русскость*, это его душа, национальный характер, национальная идентичность, которые непонятны нерусскому миру.

Пушкин — душа русского народа, а русская душа, как известно, всегда представляла собой загадку, непонятую тайну для иностранцев.

В чем же заключается «русскость» Пушкина? И. Ильин считал, что Пушкин есть «чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости...» «То, что его вело, была любовь к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу, в русскую простонародную жизнь»⁶. И далее, писал С. Франк: «В нем был... какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма цело-

³ Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. 1996. № 11. С. 62.

⁴ Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве. М.: РИК «Культура», 1993. С. 162.

⁵ «Никто из русских, насколько мне известно не ставит под вопрос литературную репутацию Пушкина. Но можно ли верить русским?» Johnson C. A. Pushkin. A Personal View // Contemporary Review. L., 1965. Nov. Vol. 206 (1198).

⁶ Известно, что как явление всемирного масштаба Пушкин осознается и признается лишь теми, кто хорошо знает русский язык и, более того, Россию. Дальше — пропасть: остальной культурный мир лишь уважает его — веря нам на слово, из пиетета к литературе Толстого, Достоевского и Чехова // Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторических жребий России. Пушкин и современная культура, М.: Наука, 1996. С. 31

⁶ Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 382.

¹ Солоневич И. Указ. соч.

² Там же. С. 164–165.

мудрия и духовной стойкости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства»¹.

Итак, главная причина непризнания и непонимания Пушкина как первой величины русской литературы — это *конфликт культур, менталитетов, конфликт души*, наконец. Предвижу немедленные вопросы: А Достоевский? А Толстой? А Чехов? Ответ — значит, они более *интернациональны* и менее *национальны*, чем Пушкин. Пушкин — народный писатель. Я понимаю, что это избитая фраза и что на тему «народности» написано много томов научных изысканий. Но Пушкин — *народный*. Русский человек растет с Пушкиным и живет с ним всю жизнь. В детстве — сказки, потом школьный Пушкин, вошедший в язык, подсказавший слова на все случаи жизни (*энциклопедия...*), потом все, что можно, о нем: письма, воспоминания, родные, друзья, современники, словари, литературоведение...

С Пушкиным в историю России вошло огромное количество людей, весь его личный мир, те, кого он любил — и мы их радостно любим, и те, кто его ненавидел — и мы их удивленно ненавидим. Кстати, запоздалая оговорка: понятие: *русский человек* не подразумевает этническую чистоту национальности «по крови». Русский — это человек, у которого родной язык русский и, соответственно, родная культура тоже русская, поскольку язык и культура — основные средства формирования личности. И Пушкин, с его африканскими корнями, доказывает это как нельзя лучше.

Таким образом, дело не в непереводимости Пушкина: его переводили, переводят и будут переводить. Дело в том, что нерусский мир не понимает его души, дело в конфликте культур.

Представители разных культур видят мир по-разному: это разное видение навязано им их родной культурой и родным языком как носителем и хранителем культуры. Каждое иностранное слово — это перекресток, столкновение культур, потому что между ним и обозначаемым им предметом или явлением реального мира лежит понятие, обусловленное коллективным сознанием народа, связанного одной культурой. Поэтому всякий перевод — это диалог культур. В этом диалоге наибольший интерес представляет чужая культура: ведь перевод имеет целью знакомство именно с ней, а *чужое* как раз наименее переводимо.

Подведем итоги.

Пушкин непереводим, но непереводимы все, одни — больше, другие — меньше.

Пушкин непонятен нерусскому миру из-за конфликта культур. Но... Пушкин в плане культуры своего времени все больше *непонятен и русским*.

Пушкин — великий классик русской литературы. Испытание временем продолжается: изменились и продолжают изменяться язык, уклад, образ жизни, общественное устройство — в широком смысле слова культура — все радикально изменяется.

Комментарии, за которые так ратует Набоков, нужны — и во всевозрастающем объеме — *не только при переводах Пушкина на иностранные языки, но и для русского читателя*.

Изучение социокультурного комментирования внеязыковых фактов высвечивает конфликт культур, причем по большей части это *конфликт не только одной культуры с иностранной, но и культуры прошлых времен классического произведения с современной культурой*.

Соответственно, наиболее распространенным комментированием такого рода является объяснение устаревших деталей быта, образа жизни, столь хорошо знакомых современникам Пушкина, но совершенно забытых их потомками. Эти детали весьма существенны для раскрытия внутреннего и внешнего мира героев, отношения к ним автора, оценок читателей-современников. Комментарий в этом случае выполняет роль моста над пропастью, разделяющей «наше» и «то» время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох.

Рассмотрим, например, через такие очки начало истории о станционном смотрителе: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади». Современный читатель нуждается в разъяснении системы передвижения пушкинских времен: езда *на перекладных* возможна только на почтовых трактах, по которым регулярно возили почту с остановками на станциях со смотрителями. Им предьявляли *подорожную* — свидетельство о чине, определявшее положенное количество лошадей. *Прогон* — это плата за проезд, выделенная казной. И, наконец, главное: две лошади полагались служащим самого низкого звания. Все вместе эти данные характеризуют и рассказчика, и отношение к нему смотрителя, доверившего свою историю человеку именно из низшего, то есть наиболее близкого к нему самому, сословия.

В вариантах «Евгения Онегина» у Пушкина есть такие строки: «“Женись!” — “На ком?” — “...На Лидиной”, — “Что за семейство! У них орехи подают, они в театре пиво пьют”». Современный читатель недоумевает: какие явно негативные социокультурные коннотации не позволяют жениться на бедной Лидиной? Собственно значения слов *орех* и *пиво*, разумеется, никакого отношения к контексту не имеют и не проливают света на культурологическую загадку. Ясно одно: общественная жизнь (именно общественная, так как орехи подают гостям, а пиво пьют в театре) изменилась настолько, что всякая связь с современностью утрачена, а с нею утрачены и культурные коннотации этих слов.

В чем же дело? Как разгадать загадку Пушкина? Почему русский читатель воспринимает его так восторженно, так лично, так заинтересованно, так безоговорочно, несмотря на временную разницу культур и непонимание культурных реалий? Почему нерусский читатель, как правило, не может его оценить и, в лучшем случае, просто «верит русским»?

Ответ один: Пушкин — глубоко народный, национальный писатель, он *гений*, воплотивший русский дух, русскую *душу*. А *гений* и *душа* — понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта. Все это относится ко всем другим народам и их национальным литературам и литераторам.

¹ Пушкин и современная культура. М. : Наука, 1996. С. 17–18.

Таким образом, роль национальных классических литератур в диалоге культур вообще и в историческом в особенности нельзя переоценить. Национальные классические литературы — это важнейший источник информации о корнях национальной идентичности, это ключ к волшебной дверце, а вернее, к семи дверям с семью печатями, за которыми хранится загадочная душа любого народа, потому что все различия национальных идентичностей, характеров и культур непонятны и загадочны для других народов. Причина этого — этноцентризм, то есть восприятие своей культуры как единственно правильной, приемлемой и нор-

мативной. Дать всем народам право на свою идентичность: свое видение мира (миро-воззрение), свой образ жизни, традиции, обычаи, привычки, признать это право пусть умом, если не сердцем, *осознать* опасность и угрозу человечеству и нашей общей планете, которые таят ксенофобия, агрессия, конфликты культур — единственный путь спасения жизни на Земле. Низкий поклон тем национальным литературам, которые останавливают руку и слово, угрожающие людям. Пусть писатели помнят о своей великой власти над умами и душами читателей. И используют эту власть во благо людей.